

ГЛАВА 1

Свинцовая снежная бескрайность с каждым метром сгущалась, наливалась непроглядным мраком. Если бы не тусклый фонарь железнодорожного перегона, что, качаясь от ветра, выхватывал то железные бока вагонов, то черную геометрию шпал, то казалось бы, будто поезд замер в мертвой пустыне. Без жизни и без границ.

«Как в космосе», — Лев Гуров одновременно восхитился и ужаснулся. А ведь в детстве он мечтал стать космонавтом, тогда все советские мальчишки бредили ракетами и выходом на земную орбиту. Хорошо, что стал опером здесь, на земле, а то болтался бы сейчас вот в таком жутком местечке — ледяном и бесконечном.

Лев Иванович, облегченно вздохнув, оторвался от окна вагона и оглядел уют-

ное купе: мягкий свет ночника, напарница, следовательно по особо важным делам, Лена Ванина, дремлет под белой простыней, отсыпаясь после тяжелой командировки. На столике замерли два стакана в фирменных подстаканниках и с недопитым чаем. И ему неплохо бы уже на боковую. Завтра Москва, родной отдел — бывший Московский уголовный розыск, а в современной реальности Главное управление уголовного розыска Министерства внутренних дел России. На утренней планерке предоставление отчета генералу Орлову о проведенном расследовании в выездной командировке и уже потом неофициальный рассказ о служебной поездке коллеге, соседу по кабинету и другу, Станиславу Крячко. Привычная многолетняя работа старшего оперуполномоченного по особо важным делам, где тяжкие преступления, такие как убийства, торговля людьми, сложные мошеннические схемы, стали обыденностью. Бывшие коллеги уже давно получили чины и должности посолиднее, осели в личных кабинетах на управляющих должностях, но Лев Иванович от таких предложений отказывался. Нравилась ему оперативная работа. Распутывать преступление, шаг за шагом склады-

вать из отдельных фактов картинку, пока она не сложится в четкую схему — преступник, орудие преступления, жертва, мотив, место преступления.

В дальней командировке далеко за пределами Московской области он помог своим менее опытным коллегам сложить такой пазл. И сейчас возвращался назад в отдельном купе, которое с великим трудом смогла заказать секретарь генерала. Билетов до Москвы с каждой минутой становилось все меньше, жители России штурмовали столицу перед новогодними каникулами.

Лев Иванович сладко потянулся, поправил казенную подушку и уже почти опустил на нее голову, чтобы наконец заснуть, но вдруг через опущенные ресницы в темноте за стеклом он увидел такое, от чего сон вмиг слетел с него. В темноте качалась крупная округлая фигура, женщина застыла на секунду, стаскивая с себя теплую кофту. Мелькнуло белое оплывшее тело, нижнее белье. И тут же поезд дернулся, ночной полустанок поплыл в сторону, а вместе с ним силуэт грузной обнаженной женщины. Лев Иванович прижался к стеклу, пытаясь рассмотреть детали увиденного, но состав уже набирал скорость. Чернота за окном слилась

в глухую темную полосу с редкими белесыми прорехами не то сугробов, не то просветов между деревьями.

Гуров надел спортивную кофту и вышел в коридор. Вагон размеренно покачивался в такт движению все ускоряющегося состава. Было темно, узкий и длинный коридор с одинаковыми дверями купе подсвечивался лишь бледной лампой рядом с туалетом. Он зашагал в противоположную сторону, принаравливаясь к небольшой качке, туда, где находилась приоткрытая дверь служебного купе. В этот момент проводница вдруг вынырнула, но не из служебного купе, а из соседнего, что располагалось через стенку от купе Гурова.

— Простите, я хотел сказать, что видел что-то странное за окном. Там, на улице, кажется, женщина. Она...

Договорить он не успел, застывшая в проеме женская изящная фигурка в синей форме, вскрикнув, рухнула назад в темное пространство купе.

Лев не бросился следом. Это только в фильмах полицейские кидаются сломя голову навстречу опасности. Но не опытный оперативник. Нырять в темноту, не зная, что ждет за дверью купе, глупо. Даже один слу-

чайный удар кулаком или, не дай бог, кухонным ножом может забрать жизнь, уж он-то посмотрелся за свою жизнь нелепых, шальных смертей. Возможные риски оперативный работник должен уметь просчитывать перед любым действием, которое собирается совершить, иначе никак нельзя на такой опасной работе, где твои «клиенты» — преступники и их жертвы.

Лев Иванович внутренне напрягся, мышцы напряглись в ожидании удара, кисти сжались в кулаки. Мозг молниеносно просчитывал варианты: в свое купе возвращаться за служебным оружием долго, да и опасно открывать пальбу в тесном пространстве; будет разумнее для начала понять, что происходит в купе номер 3, хотя бы в общих чертах. Он прислушался: за тонкой перегородкой явно кто-то возился и раздавались два голоса. Низкий трубный и высокий девичий. Гуров никак не мог разобрать, что бубнит мужчина, лишь услышал короткий резкий окрик проводницы:

— Да отстань от меня, придурок. Не прикасайся, убери руки!

Оперативник медленно носком кроссовки сдвинул плавающее полотно тяжелой двери в сторону, чтобы тусклый свет осветил

маленькое пространство купе. Худенькая девушка в форме проводника пыталась сбросить руку высокого седого толстяка, огромная туша которого нависла над ней. Лев Иванович сделал шаг, ударом носка обуви под колени здоровяка заставил того рухнуть вниз, одновременно перехватил легкую женскую фигурку за талию и рывком вытянул мимо себя в коридор.

— Не трогайте девушку! — Еще один толчок отбросил массивное тело влево на широкую полку, где белела смятая постель.

Но мужчина тяжело поднялся и снова пошел в атаку. Гурова окатило запахом алкоголя. Он с отвращением ухватился за влажную от пота ладонь противника, вывернул кисть так, что нападавший вскрикнул и, дернувшись, рухнул лицом в скомканную простыню. Лев Иванович выдержал из-под него белое полотнище и ловко перетянул толстяку руки за спиной. Не стал затягивать узел, лишь ненадолго бездвигал пьяного. Но тот и не думал убегать или драться, лишь беспомощно дергался на узенькой для его большого тела полке и что-то монотонно повторял:

— Где она? Где она? Где? Пустите. Отпустите, я ничего не сделал.

Лев Иванович шагнул обратно в коридор, всхлипывающая проводница схватила его за руку, захлопнула дверь и потянула дальше от купе с черной «тройкой» на белом фоне:

— Спасибо, спасибо. Он меня так больно схватил, я испугалась.

— Послушайте. — Лев Иванович всмотрелся в бейдж на белой рубашке. Но в тусклом свете под распущенными темными волосами у него никак не получалось разобрать имя проводницы.

— Све... Светлана меня зовут. — Девушка заметила, куда направлен взгляд мужчины.

— Светлана, отведите меня к начальнику поезда. Не переживайте, вашего буйного пассажира я связал. Без посторонней помощи в такой степени опьянения он не сможет освободиться.

— А что случилось? Зачем к начальнику? Из-за того, что он меня схватил? Не переживайте, и похуже бывает. Пассажиры разные попадают, ничего не поделать.

Гуров покачал отрицательно головой:

— Не только из-за вашего буйна. — Он кивнул на мелькающие за окном фонари. — Надо сообщить по связи на станцию, где мы только что останавливались. Там пожилая женщина на станции, раздетая, без верхней

одежды. Местная или от поезда отстала. Кажется, тоже, как и ваш клиент, прилично выпившая. Надо сообщить, чтобы патруль железнодорожной полиции ее нашел, пока не замерзла в сугробе.

— Там нет патруля и отделения нет. Это сортировочная станция, техническая, — растерянно протянула девушка. Она застыла в проходе коридора, не сводя с Гурова испуганного взгляда.

— Сотрудник станции, «Скорая помощь». Ну кто-то же может ей помочь, — мягко пояснил Лев Иванович.

Он старался разговаривать тепло, без нажима, привык за годы работы, что часто жертвы насилия впадают в ступор. Бывает, от стыда, от страха повторения нападения женщины впадают в панику, отказываясь разговаривать даже на нейтральные темы, только торопятся поскорее убежать домой или в привычное для них место. Будто желают поскорее забыть о произошедшем нападении.

Особенно такие вот совсем молодые особы, вдвойне привлекательные для насильников и хулиганов из-за красивой внешности и неумения дать отпор. Гуров прикинул внешние данные проводницы по многолет-

ней привычке мгновенно составлять описание человека: лет 25, а то и меньше; хоть и высокая, ростом почти с него, но при этом худенькая, густые темные волосы, точеные черты лица и очень яркий макияж. Яркий до такой степени, что даже в сером полумраке коридора ее лицо смотрелось как маска — черные брови и густо подведенные глаза, кроваво-красные губы, белое лицо.

Проводница вдруг ахнула, схватила Гурова за рукав кофты и повлекла за собой в служебное купе. Там, захлопнув дверь, она прижалась к нему всем телом и, дрожа, зашептала в ухо:

— Прошу, не надо, не ходите никуда! Не бросайте меня! Я боюсь!

Лев Иванович деликатно отодвинул от себя Свету, с силой заставил ее сесть.

— Так, успокойтесь. Где у вас вода? — Он нащупал в полутьме на столике бутылочку и протянул девушке.

Но Света снова бросилась ему на грудь, ухватилась руками за воротник спортивной кофты, почти силой удерживая от любых движений.

— Я боюсь, прошу вас, не уходите!

Гуров аккуратно пытался освободиться от объятий девицы, но в узком пространстве

между полкой и столиком было невозможно развернуться.

— Света, повторяю, я связал этого пьяницу. Он вас больше не тронет. Сейчас начальник поезда отправит наряд, и его снимут с поезда. Пускай проспится в ближайшем отделении полиции.

Но Света тряслась от ужаса, прижимаясь все теснее. Ее широко распахнутые глаза при пестрящем свете фонарей выглядели безумными. Девушка прошептала сдавленным от страха голосом:

— Нет, я боюсь его жену!

— Он с женой едет в купе? А где она? Спит? И не проснулась от ваших криков?

— Она не спит, она мертвая, в гробу, — прошептала Света и вскрикнула, тут же зажав себе рот рукой.

— Так, все, я иду к начальнику поезда. Разберемся, кто живой, кто мертвый, кто пьяный, кто нормальный.

Лев Иванович начал раздражаться, уже почти два часа ночи и его накрывает усталость, а тут карусель из пьяных пассажиров и сумасшедшей плачущей проводницы. Он резко сбросил руки девушки с плеч и дернул дверь в сторону.

— В каком вагоне начальник поезда?

— Нет! — Света мертвой хваткой опять вцепилась в его рукав. — Не ходите! Это вы его жену мертвую видели за окном! Ее дух! Он бродит после смерти! Это покойница! Этот мужик пьяный, он покойницу с собой везет! Начальник состава знает. Не надо ему ничего говорить, прошу вас! — Она бросила умоляющий взгляд на оперативника. — Он меня оштрафует, он знает про гроб! Это я его уговорила, чтобы разрешил провоз тела. Мне так жалко этого мужичка было! Горе у него такое.

— Так, стоп. Света, давайте рассказывайте по порядку.

Он решительно вернулся в купе, включил свет, так что темнота растаяла от теплого желтого светильника. Повернулся к Свете, которая застыла с искаженным от ужаса личиком-маской. Та охотно принялась объяснять.

— Понимаете, — залепетала девушка, — он гроб везет с женой, документы есть, я проверила. Вот и напился. Кричал, кричал, искал ее, я и пришла успокоить его, чтобы другим пассажирам спать не мешал. А тут вы говорите, что женщину видели за окном. Это... это ведь... покойница, то есть ее призрак. Ее не похоронили, вот она и является. — Света сжалась и заскулила: — Я боюсь! Не ухо-

дите, пожалуйста, посидите со мной. Я так мертвых боюсь. Не надо начальнику поезда рассказывать, он меня оштрафует за скандал. И его как с поезда ссаживать? Куда он с гробом ночью? Горе у человека, выпил немного. Не трогайте вы его.

— Понятно. — Лев обдумывал услышанное. — Вот что я вам скажу, Света, покойники не гуляют по станциям. Это обычный человек, может быть, просто местная жительница заблудилась в темноте и забрела на станцию. Я видел ее мельком, только уверен, что она вполне живая и реальная. Как оперативник по особо важным делам, официально вам заявляю, привидений не существует. — Он старался приободрить девушку, развеять ее страх. — И все-таки, Света, давайте пройдем к вашему начальнику. Расскажем ему, что произошло, пускай решает проблему. Ведь это и есть его работа — решать проблемы пассажиров, как мертвых, так и живых, верно?

— И какие проблемы у пассажиров?

От голоса из коридора Света и Лев вздрогнули, но тут же с облегчением выдохнули. В проем приоткрытой двери шагнул высокий мужчина, чуть старше тридцати лет, в отглаженной железнодорожной форме, с элегант-

ной прической, от него шел аромат хорошего парфюма.

— Что тут происходит? — Взгляд мужчины перебрался с проводницы на Гурова.

— Вот, товарищ... начальник... — От испуга Света начала запинаться и медлить. — В третьем купе напился пассажир, ну тот, с гробом. И буянил, полицейский его успокоил и связал.

— Хорошо, я проверю и решу вопрос, — кивнул мужчина девушке.

— Вы начальник поезда?

— Да, Губин Роман Викторович, — сухо ответил железнодорожник.

Льву Ивановичу показалось, что мужчина в форме смотрит на Свету с плохо скрываемым раздражением. Гуров попросил:

— Вы не ругайте девушку, пожалуйста. Она тут ни при чем, просто слишком впечатлительная. — Опер сделал шаг поближе к железнодорожному служащему. — Давайте выйдем в коридор, поговорим.

Они вышел из служебного купе, и Гуров прикрыл за собой дверь.

— Понимаете, — сказал Лев Иванович, — на нее сначала напал пассажир, просто вцепился и не выпускал из купе. Пришлось немало его усмирить. Может быть, стоит снять

его с поезда, если он так мешает персоналу работать. И еще кое-что...

— Слушаю. — В голосе Губина снова слышалось раздражение.

Но Лев Иванович списал его недовольство на усталость и глубокую ночь. Никому не хочется возиться с пьяницами и буйными пассажирами, когда все пассажиры в вагонах мирно спят.

— Во время последней остановки поезда на маленькой станции я увидел в окне на путях женщину. В возрасте, около пятидесяти лет, полная, среднего роста. Волосы собраны в пучок, темная одежда, кажется, без куртки и шапки. Больше ничего не успел рассмотреть, поезд тронулся. Мне показалось, что эта женщина пьяна и ей стало плохо. Она стояла неуверенно, качалась на месте. Можете сообщить о ней по связи в ближайший пункт полиции или хотя бы сотрудникам железной дороги на той станции? Пускай проверят информацию. Она может замерзнуть или попасть под поезд.

— Да, конечно, наверняка местная пьяница бродит по путям, — снова сухо сказал начальник поезда и равнодушно посмотрел на Гурова. — Не переживайте, я решу все вопросы.

— Не ругайте Светлану, она испугалась сильно, услышав про женщину. Решила, что это дух покойницы из купе бродит по станции. Она не хотела вас беспокоить. Может быть, позовете ей в помощь более опытного проводника? Разве она не должна работать в паре?

— Да, обязательно. У нас нехватка сотрудников. Возвращайтесь в купе, все будет в порядке. — Губин зашагал по коридору, давая понять, что разговор окончен.

Высокий лохотный мужчина в конце коридора остановился лишь на пару мгновений, чтобы убедиться, что Гуров возвращается обратно в свое купе.

Лев Иванович задвинул дверь и замер, вслушиваясь в звуки за тонкой стеной. Вот шорох открываемой двери, тишина... и опять шуршание, потом шаги по коридору в сторону служебного отсека. Все-таки достанется несчастной Светлане от начальника. Но больше не было слышно ни шагов, ни разговоров, ни криков. Тихий перестук колес, лязганье железных соединений вагона. Звуки навевали дремоту, глаза опять начали слипаться, но он решил подождать еще час. Не давал ему покоя холодный, отрешенный взгляд начальника поезда и его

равнодушные ответы на все просьбы. Лев Иванович, хотя и давно работал опером, навиделся человеческой жестокости, смертей, но душой так и не зачерствел. Не мог он остаться равнодушным к замерзающей женщине на полустанке, ибо чувствовал ответственность за ее жизнь. Пускай пьяная, пускай сама виновата, что бродит по безлюдному месту, но для ее спасения требуется всего-то такая малость — сообщить на станцию, чтобы местные служащие железной дороги нашли пьяницу и отвели ее в безопасное место.

Только усталость оказалась сильнее, Гуров и сам не заметил, как уснул. Проснулся от ударов над ухом, в соседнем купе кто-то с грохотом молотил в стенку. Коллега Лена, лежавшая на полке напротив, проснулась и спросонья испуганно всматривалась в темноту:

— Лев Иванович, что такое, что за звуки? Это вы стучите?

— Нет, нет, Лена, спите. Все нормально, в соседнем купе пьяница пришел в себя. Сейчас я с ним поговорю, он не будет мешать.

В темноте он нащупал куртку, накинул сверху. Так будет спокойнее, в кармане лежат наручники. Если дебошир не угомонится, то

придется его приковать к металлической опоре столешницы и все-таки вызвать дежурный наряд. Пускай делают свою работу и умиряют нарушителей порядка. Он оперативник, а не рядовой дежурный.

В купе Лев Иванович застал толстяка, который не мог перевернуться из-за связанных рук, но очень хотел устроить шумиху. Поэтому так усердно ударялся седой головой по тонкой перегородке.

— Так, гражданин, шум прекращаем!

На его голос мужчина повернулся и прищурился:

— Где моя жена? Развяжите меня! Что за выходки!

— Я вас развяжу, если не будете буянить. Драться, кричать, кидаться на других людей. Условия понятны?

— Да не буду я драться. Развязывай, — простонал пожилой пассажир.

Грузное тело невыносимо ныло от неудобной позы, в которой он уснул, — руки, заломленные за спиной, ладони туго стянуты. Лев Иванович в два движения разматал простыню и сделал шаг назад, освобождая пространство пленнику. Но и при этом соблюдая безопасность — если тот снова попытается напасть, то можно будет в один шаг выйти в коридор,

захлопнуть дверь купе и отправиться за нарядом. Эта история уже порядком ему надоела, бессонная ночь из-за любителей алкоголя никак не кончалась. Только толстяк и не собирался кидаться на опера. Он со стоном криво уселся, оперся на стенку и начал растирать запястья.

— Где моя жена? Ну где она?

От его вопроса Гуров напрягся: у мужика, видимо, нервный срыв и память отбило от горя.

— Вот здесь. — Лев кивком указал на большой ящик из досок во всю длину соседней скамьи.

От злости лицо у собеседника налилось кровью, это было видно даже при тусклом свете фонарей, что замелькали за окнами все чаще. Поезд приближался к очередной станции.

— Вы что, издеваетесь? Это шутка ваша дурацкая? Как там это называется? Пранк, розыгрыш? Ну где камера? Все удалось, очень смешно, заканчивайте вашу клоунаду!

Мужчина встал на ноги. Полный, с одышкой, уже явно пенсионного возраста, но при этом он был силен, под рубашкой угадывались мощные руки и широкие плечи. Гуров отреагировал мгновенно. Ловким ударом

в колено он сбил здоровяка с ног и молниеносно защелкнул один браслет на запястье, а второй — на металлической опоре стола.

— Отпустите! — От боли седой взревел во весь голос.

— Я же предупреждал, не надо бросаться на людей.

— Не надо говорить мне, что моя жена мертва! Она жива, а вы чертов клоун или безумец! Идиот!

Лев Иванович всматривался в лицо пожилого мужчины. Как странно, никаких признаков опьянения, хотя еще пару часов назад от него несло свежим алкоголем.

Дверь стремительно откатилась, на пороге застыла проводница с сонным лицом, она, видимо, успела задремать в своем купе. Огромные глаза стали еще больше от ужаса.

— Да что опять? Там уже все пассажиры проснулись! — Она потянула носом воздух в купе и громко с укоризной зашептала: — Напились, так хоть не хулиганьте! Как вам не стыдно, перестаньте кричать, вы мешаете другим людям. Ночь, все спят.

— Где моя жена? Скажите, прошу вас, прошу, прекратите эту жестокую шутку. — Мужчина перестал кричать и тоже перешел

на шепот. Только тон у него был испуганный и умоляющий.

От его перекошенного болью лица Льва Ивановича передернуло, в нем было столько муки и недоумения. Светлана начала ласково уговаривать:

— Перестаньте, пожалуйста, ваша жена в этом гробу. Вы сами вчера его грузили на станции. Давайте я вам лучше водки из вагона-ресторана принесу. Выпейте и снова уснете, так будет лучше.

— Я не пью, мне врачи запретили! Зачем вы лжете? Зачем вы все лжете? Я не пил водку, я пил вчера с женой чай в поезде, а потом уснул! И теперь проснулся, а вы мне говорите, что моя жена умерла, что я напился, что я кидаюсь на людей! Я... Это вам так с рук не сойдет!

Мужчина беспомощно дергался, морщась от боли в руке, но прочные браслеты не давали ему снова встать во весь рост.

— Я сейчас, сейчас. — Девушка убежала в свое купе.

Обессиленный гигант замер.

— Это правда? Правда, что моя жена умерла и я везу ее в гробу? Покажите документы, прошу вас, умоляю, покажите мне бумаги.

Оперативник замешкался, оглядел купе, где же багаж пожилого мужчины.

— Они у вас должны быть, в ваших личных вещах. — Найти сумку он так и не смог.

Проводница уже протиснулась обратно в тесное купе.

— Вот, выпейте водички. Пейте. — Девушка протянула пассажиру бутылку минералки. — Станет полегче, вам надо прийти в себя. — Она открутила крышечку и заботливо сунула бутылку в огромную ладонь мужчины.

— Пейте, мы отойдем на пять минут. — Лев Иванович бережно подхватил девушку под локоть и повел на ее рабочее место. — Покажи документы на этого пассажира, — сказал он ей по дороге.

— Хорошо-хорошо, покажу! — Она торопливо засеменила на свое рабочее место.

В купе девушка взяла с крохотного столика у окна, заваленного документами, едой, косметикой, пластиковую папку и вытащила из нее кипу билетов. Показала один пассажирский билет и два больших листа, скрепленных между собой.

Гуров пробежался глазами: Дымов Олег Дмитриевич, свидетельство о смерти Дымовой Ольги Борисовны, разрешение на перевозку тела.

— Оригиналы ты у него проверила?

— Конечно. — Девушка кивнула, от расстройства у нее дрожали губы. — Простите, что он вам мешает. Это моя вина, не надо было его брать в вагон. пожалела, он так плакал, рассказывал, что жену везет хоронить на родину. Немного осталось, через пару часов уже его станция. Потерпите, прошу вас, вы такой хороший. Я сейчас принесу ему немного водки, чекушку в ресторане выпрошу. Горе у человека, немудрено, что головой повредился.

— А про женщину ничего не сообщали на ту станцию? Как называется, техническая?

— Сортировочная. Вы не переживайте, всю ночь не спите, бегайте. Спасли меня. Вот держите водичку. Пейте, не надо денег. Больше не знаю, как отблагодарить. Хоть что-то. — Девушка сунула ему такую же бутылку, что и буйному Дымову.

Лев Иванович взял бутылку с водой, открутил крышку и сделал глоток. И правда, тяжелая ночь никак не кончится. Буйный пьяница достал весь вагон и в том числе проводницу, а ведь и слова дурного не поворачивается язык ему сказать. Действительно, горе у мужика страшное, такое, что мозг не выдержал.

В дверную щель просунулась взлохмаченная голова коллеги Гурова Лены:

— Девушка, что происходит? У нас там мужчина за стенкой скулит и рыдает ужасно. Перед этим головой бился об стену. Можно его утихомирить как-то? — Она обрадовалась при виде Гурова. — Ой, Лев Иванович, вы уже здесь? Три ночи и полный дурдом, вот так прокатились в спальном вагоне.

— Простите. — Света растерянно развела руками. — Нервный срыв у мужчины. Я сейчас постараюсь его отвлечь. Поговорю с ним.

Гурову стало жаль проводницу, она суетилась и испуганно косилась на них в ожидании скандала, не зная, как решить проблему.

— Ладно, Светлана, ты давай других пассажиров успокой. Потерпим пару часов, не переживай.

— Да мало людей, все в другом конце вагона. Только вот вас он достал. — Света, казалось, сейчас расплачется из-за сложившейся ситуации. Ее симпатичное личико исказилось от горькой гримасы, помада и подводка за время беготни размазались.

— Ну держись, Света. — Гурову искренне было жаль девушку, наверное, она впервые сталкивается с такими неприятностями

ми. — Он в наручниках, как будем подъезжать к его станции, зови. Сниму и вывести помогу хулигана.

Лев обратил внимание, что у девушки от огорчения дрожат даже руки, Светлана нервно мяла край форменной юбки. Он кивнул Лене — идем. По пути объяснил коллеге, что произошло, и ее первоначальное раздражение как рукой сняло. В купе она прислушалась к звукам за стеной, сокрушенно покачала головой — как же жаль бедного вдовца. Дымов, могучий и агрессивный пять минут назад, тихо плакал, как испуганный ребенок, повторяя будто молитву одну и ту же фразу: «Это сон, это страшный сон! Она не умерла, нет, нет, Оля не умерла. Это сон».

Лев Иванович почувствовал, как на него накатила такая усталость, что нет сил даже говорить. Начала одолевать дремота, сквозь которую доносились звуки: скуление Дымова, вздохи Лены, чьи-то шаги, звуки открываемой двери. Он хотел прислушаться, понять, кто пришел в купе к несчастному мужчине, ведь обещал проводнице присмотреть за Дымовым и помочь девушке, если потребуется. Но ритмичные звуки убаюкивали, веки стали совсем неподъемными, и Лев

Иванович, уже не в силах сопротивляться, погрузился в тяжелый крепкий сон.

Проснулся Гуров от резкого удара над ухом. «Опять Дымов буйнит, — мелькнуло в голове. — Надо помочь, я обещал Светлане». Он попытался приподняться с вагонной полки, но руки и ноги не подчинялись, стали ватными. С трудом Гурову удалось разлепить веки. Он с удивлением отметил, что все вокруг кружится, в голове туман. Кое-как у него получилось сесть, при первой же попытке встать он почувствовал тошноту, а стены купе запрыгали перед глазами словно живые. Лев Иванович с трудом сфокусировал взгляд: Лена мирно спала на своей полке, уже хорошо. Медленно, с усилием он перевел взгляд на окно. За стеклом виднелось небольшое здание с электронными часами, которые показывали 6 утра, красные отблески отражались на скромной вывеске названия станции «Туманный». Дымов, остановка!

Стараясь не обращать внимания на слабость и головокружение, Гуров поднялся и, цепляясь за стены, вышел в коридор. В соседнем купе была тишина. Лев Иванович попытался откатить дверь в сторону, хоть руки почти не слушались. В темноте пусто-

го купе бросились в глаза черный ящик с телом справа и смятая постель на полке слева, но вот самого Дымова в купе не было. Стол, к которому он приковал мужчину наручниками, странно скривился вбок, а на полу застыла лужа крови. «Что за черт, что тут произошло?» Превозмогая себя, Гуров добрался до служебного купе. Здесь тоже царил хаос, все документы из папки с билетами валялись на полу, даже косметика и одежда девушки были раскиданы. На стенках и двери застыли свежие кровавые отпечатки пальцев.

— Света, Светлана! — позвал он проводницу.

Но никто не отвечал. Девушка пропала. Кое-как у Гурова получилось дойти до конца вагона, в тамбуре он дернул ручку двери — заперто. Надо выйти и обратиться в полицию, что-то произошло в вагоне, пока он спал. Лев Иванович лихорадочно принялся дергать ручку. Вдруг дверь перехода между вагонами приоткрылась и показалась голова в полицейской фуражке:

— Эй, гражданин, успокойтесь! Не ломайте государственное имущество.

— Наконец-то, — с облегчением выдохнул Лев. — Идемте, нужна ваша помощь. У нас пропали проводница и пассажир.

— Серега, дуй сюда, — позвал полицейского голос из соседнего вагона. — Я пирогов притащил.

Парень нахмурился, осмотрел странного пассажира с головы до ног и буркнул:

— Ну давай быстрее, чего там. — Присмотревшись к неуверенной походке Гурова, уточнил: — Пили алкоголь?

— Не пил, — бросил в ответ Гуров.

Он и сам начал понимать, как неубедительно выглядит со стороны. Бледный, взъерошенный, идет еле-еле. Сразу хочется приписать его к пьяницам и отмахнуться от рассказов о пропавших пассажирах. Едва он довел парня в форме до служебного купе и ткнул пальцем в кровавые отпечатки, как изнутри поднялась волна тошноты и Лев не смог удержаться. Его вырвало прямо на пол возле входа в служебный отсек. Полицейский брезгливо отскочил в сторону:

— Чего врешь, что не пил. Вон как полоскает тебя. Убирать за собой будешь.

— Уберу, — процедил Гуров сквозь зубы.

Голова хоть по-прежнему кружилась, а все тело от испытываемой слабости покрыл липкий пот, но после того, как его стошнило, в голове стало немного проясняться. В дальнем конце коридора показалась женская фигурка.

— Вот проводница, вот! — Голос у него стал хриплым от натуги, тело совсем не слушалось. — Светлана, где Дымов? Откуда кровь в его купе и у тебя? Что случилось?

Девушка испуганно замерла поодаль:

— Он вышел, пассажир вышел.

— Кровь откуда? — Туман в голове все еще мешал Гурову сосредоточиться.

— Он порезался о ваши наручники, и я тоже перемазалась в крови. Все в порядке, ничего страшного не произошло. Идите в свое купе, не надо по вагону бродить. — В голосе сотрудницы сквозила паника.

В окне вагона Лев Иванович увидел отражение молодого полицейского, который хлопнул по горлу рукой и вопросительно посмотрел на девушку, а та утвердительно кивнула — да, пил.

— Зачем ты лжешь, я не выпивал вчера, — возмутился опер, чувствуя, как дрожит все тело перед новым приступом рвоты.

Но полицейский лишь хмыкнул в ответ и предупредил:

— Тряпку в зубы и убери за собой, и давай не буянь тут, а то быстро с поезда снимем.

И он исчез за дверью тамбура, торопясь позавтракать пирогами. Света, демонстратив-

но сморщив носик, перешагнула через зловонную лужу и с грохотом закрыла дверь служебного помещения. Гуров стукнул по тонкой перегородке дверной филенки:

— Где Дымов, почему он тело не забрал?

— Грузчики сейчас заберут. Уходите, не шумите, или позову полицию, — раздался ответ из-за загородки.

— Откройте двери в тамбуре, мне надо на улицу.

— Нет, мы уже через минуту отправляемся. Уходите к себе. — Голос девушки звенел от раздражения.

Гуров шагнул в сторону своего купе, ну что он и правда завелся. Поранились, снимая наручники, пассажир буянил и снес стол, гроб сейчас заберут. А ему плохо, потому что, возможно, чем-то вчера отравился.

Но тут же оперативник сделал шаг назад: нет! Он не может сейчас четко сформулировать, что не так, но в вагоне происходит нечто странное. Он в этом уверен, и проводница что-то скрывает. Только доказать или высказать это в более-менее ясной фразе он пока не может.

Гуров заторопился обратно к тамбуру, потом в переход между вагонами, попал в соседний вагон и остановился возле приоткры-

той двери служебного купе. В тесной комнате дородная проводница хлопотала над столом с завтраком: стаканы, пакеты с пирожками, сахар. Двое рядовых в полицейской форме развалились на узком сиденье, ожидая, когда уже можно будет приступить к трапезе.

— Сыночка, может, тебе сгущенку открыть? У меня баночка припасена. Ты же любишь.

— Ну давай, — сладко зевнул парнишка, который недавно разговаривал с Гуровым. При виде беспокойного пассажира полицейский вскинулся: — Эй, чего бродишь! Топай на свое место, сказал же! Проблем хочешь?

— Выход, где выход? — прохрипел Гуров в ответ и бросился вперед по коридору в поисках открытой двери из вагона.

— Стойте, мужчина, вы куда? — Пожилая проводница неловко засеменила следом. — Я уже двери сейчас закрывать буду, поезд отправляется! Стойте! Нельзя выходить.

На ее крики выглядывали пассажиры из своих купе, с удивлением провожая взглядом шатающуюся мужскую фигуру.

В тамбуре пожилая женщина преградила ему дорогу:

— Не пущу, иди проспись, еле на ногах стоишь! Все, стоянка окончена. Отстанешь еще, потом моему сыночке штраф из-за такой пьяни, как ты, выпишут.

Она полезла за ключом от двери, но от волнения ее толстые дряблые руки плохо слушались. Состав дернулся и потихоньку начал движение. Медленно проплыл мимо маленький перрон, серое здание вокзала, парочка пассажиров в объятиях встречающих. Дымова на перроне не было, да и гроб его жены никто не нес.

— Эй, ты, пьянь, а ну отошел от двери, — раздался грубый оклик.

Сергей уже звенел наручниками, чтобы остановить надоевшего хулигана. Гуров вдруг отчетливо увидел, как эта троица на него смотрит. Парень с раздражением тянулся к наручникам, второй полицейский постарше брезгливо скривился от тошнотворного запаха измазанной рвотой одежды, пожилая проводница озабоченно нахмурилась, не тронет ли буйный пьяница ее сына. Он ведь так же смотрел на Дымова пару часов назад, когда мужчина плакал и умолял ему поверить, что его жена жива и что он не пил водку. Что-то происходит! Поезд надо остановить!

Лев Иванович повернулся к стене и со всей силы рванул вниз рычаг стоп-крана.

— Ах ты, гадина, что творишь! — заголосоила женщина.

Ее сын бросился на Гурова, но промахнулся от резкого торможения состава и впечатался в стену рядом. Проводница от резкого толчка тоже ударилась о стенку. Гуров ловко проскользнул мимо протянутых рук, дернул ручку двери и прыгнул вперед навстречу медленно плывущей полоске гравия. Упав, он сильно ударился о землю, перекатился на другой бок и проехался всем телом по мягкому сугробу на откосе пути. Оперативник тяжело поднялся, бросился бежать, не обращая внимания на боль в ноге. Вдогонку неслись крики:

— А ну стой, придурок, стой! Я тебя на пятнадцать суток посажу!

— Пускай валит, Серега! Его сейчас местные приберут!

— Сыночек, не трогай ты этого сумасшедшего, не надо! — причитала мать вслед спрыгнувшему с поезда Сергею.

Но тот не отставал, судя по топоту ботинок и тяжелому дыханию за спиной. Лев Иванович тоже не останавливался, несмотря на боль в ноге. Вот уже здание вокзала, мерцаю-

щие часы над вывеской и мутная слепая лампочка рядом со скромной табличкой «Опорный пункт полиции». Рывком он открыл дверь и чуть не упал, зацепившись за ведро с водой и швабру. От грохота проснулся дежурный, который сидел за столом, сложив на столешнице руки и положив на них голову:

— Ты кто такой? — подняв голову, сонно спросил он. — Что надо?

Следом в дежурку влетел запыхавшийся полицейский из наряда поезда:

— Держи его, алкаш с поезда сбежал! Стоп-кран рванул!

— Понял! — вскинулся дежурный, вскочил со стула и начал обходить стол, чтобы накинуться на беглеца с другой стороны.

Но Гуров знал, что их остановит. За годы работы научился, как обращаться с рядовым составом, тем более таким наглым, чувствовавшим свою хоть и маленькую, но власть и безнаказанность. Рука нырнула в карман куртки, а голос, налитый угрозой, остановил подступающих к нему полицейских:

— Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам полковник Гуров! Стоять всем!

При виде красной корочки дежурный и Сергей, растерявшись, замерли, закрутили

головами, поглядывая друг на друга — что же делать?

Лев Иванович повернулся к дежурному линейного отдела:

— Сообщение о женщине со станции вы получали? Есть информация о ней?

— С какой станции? — Дежурный от удивления окончательно проснулся. — Никакой информации нам не поступало. Ночь прошла без происшествий.

— Начальник прибывшего поезда не общал вам о женщине на соседней станции?

— Да никто не звонил, ничего не передавали, товарищ полковник.

Дежурный все косился то на Гурова, то на полицейского из дежурного наряда, пытаюсь понять, как себя вести. Вроде коллега-линейщик гнался за обычным пьяным дебоширом, а тот оказался важной шишкой, хоть и устроил скандал в поезде, но так просто его не задержат.

— А гроб, как же... Гроб из поезда выносили?

— Не было такого, товарищ подполковник. Пассажиры обычные. Никаких гробов.

Теперь дежурный мерил опасливым взглядом крепкую фигуру Гурова. Легко скрутить

его не удастся, к тому же еще и бредит гробами какими-то, женщинами. Точно от пьянки «белочка» началась, наверное, надо позвонить начальству и попросить разрешения вызвать бригаду психиатрички для важного опера, пока не перестрелял их здесь из табельного. Вон как крутит головой, высматривает что-то на пустом перроне. Точно галлюцинации начались!

— Ложись! — вдруг закричал безумный опер и рухнул на пол, прикрыв руками голову.

«Точно «белочка»!» — Дежурный кинулся к телефону, но в ту же секунду закричал и в ужасе повалился под стол. От грохота заложило уши, от удара взрывной волны задрезжали стекла во всем здании вокзала. От невидимого из окна опорного пункта места, где прогремел мощный взрыв, над вагонами протянулся черный шлейф дыма.

— Мама! — Сергей бросился к выходу, за ним побежал Гуров. В дверях он остановился и крикнул дежурному:

— Звони в пожарку, в МЧС, в «Скорую»! Взрыв в поезде! Надо эвакуировать людей.

Вдвоем они бежали по перрону обратно к вагонам, а навстречу уже хлынул поток людей. С криками сонные пассажиры вылетали босыми и полураздетыми на мороз, в ужасе

спасаясь от занимающегося в одном из вагонов пожара. От него образовывалось смердящее удушливое облако, которое накрывало искореженный, разодранный ближе к входной двери вагон. Третий вагон, тот самый, в котором Гуров ехал всю ночь! Теперь часть его превратилась в груду оплавленного черного металла, над которой стоял черный столб дыма и разлеталась во все стороны едкая гарь.

— Лена! — не сдержал Гуров крика и, на ходу обматывая голову курткой, бросился прямо к двери, откуда, гудя, вырывалось пламя пожара.

На ошупь, вздрагивая от боли в пальцах из-за горячего металла, Лев открыл двери, считая про себя секунды. У него минута, чтобы найти Лену, потом организм откажется подчиняться и сработают инстинкты — легкие сделают вдох. Вдох угарного газа, и тут же потеряешь сознание, останешься в огненной ловушке. Сорок девять, пятьдесят, пятьдесят один... Погнутая взрывом дверь купе лежала внутри тесного отсека, накрыв стол. Он сдвинул ее в сторону и почувствовал, как под ногами кто-то шевелится. Лена в одеяле, вся в кровавых отметинах и черных подпалинах стонала, лежа на полу. Живая! Он подхватил тело и потащил к выходу,

ощущая, как с каждым шагом его накрывает темнота. Нос и горло невероятно жгло от вонючего воздуха, глаза щипало до слез. Он споткнулся обо что-то и рухнул на пол тамбура. Ползком подтянулся к проему, прижал к себе Лену и рывком бросился вниз. От удара об мерзлую землю перед глазами поплыли разноцветные пятна. 78! Лев Иванович не выдержал и глубоко втянул горькую гарь. Снова подступила мучительная тошнота, и он провалился в черную бездну.

ГЛАВА 2

Гуров открыл глаза, обвел взглядом мутную белизну, но так и не понял, где находится. Взгляд никак не хотел фокусироваться, перед глазами лишь двигались размытые пятна. Но, к счастью, нет бьющей в нос едкой вони тлеющего пластика и металла.

— Лена, Лена как? Она жива? — Звучки с хрипом выходили из опаленного горла. Боль скребла острыми когтями по гортани.

— Жива, в реанимации, но прогнозы хорошие, — ответил ему приятный мужской голос. — Ее спасла дверь, которая накрыла пассажирку во время взрыва как щит. И потом

спасли вы. У вас отравление угарным газом легкой степени, Лев Иванович. Врачи сказали еще трое суток желательнее не беспокоить. Как вы себя чувствуете? Сможете рассказать, что случилось?

Голос участливо задавал вопросы, рассказывал, вытягивал из обморочной слабости. Лев Иванович смог наконец более отчетливо рассмотреть собеседника. В накинutom белом халате рядом с кроватью сидел молодой мужчина лет тридцати. Аккуратная прическа волосок к волоску, белоснежная рубашка и костюм, тщательно выглаженные, ботинки сияют зеркальным блеском. Когда оперативник попытался привстать, мужчина обрадовался, засуетился:

— Лев Иванович, давайте подушку вам принесу, чтобы поудобнее было. Как хорошо, что вы пришли в себя. А то врач мне сказал не раньше чем через сутки вы сможете говорить. Начальство уже сейчас требует результаты расследования, такое происшествие, трагедия, и в нашем тихом районе.

— Воды. — Голос был совсем чужой. От каждого слова горло и нос продирало будто железной щеткой.

— Конечно, сейчас, попрошу медсестру. — Парень бросился к двери.

Гуров осмотрелся: скромная палата на пять коек была переполнена. Люди лежали даже на медицинских кушетках, самодельных лежаках из тумбочек и строганных досок. Почти все были в сознании, но лежали тихо, с бледными с зеленоватым оттенком лицами после отравления вредными выхлопами при пожаре. Его собеседник вернулся с высокой худощавой женщиной в белой униформе. Та наклонилась поближе, проверила пульс на запястье. Участливо спросила:

— Как себя чувствуете? Тошнота, головокружение есть?

Гуров кивнул, нагружать саднящее горло не хотелось.

— Пейте воду как можно больше, чтобы выводить токсины. Чайник стоит в коридоре. Капельницу поставим вечером, станет лучше.

Медсестра двинулась по кругу, обходя остальных пациентов. Крупный парень, лежащий на сооружении из тумбочек и дверного полотна, забубнил возмущенно:

— Почему у меня даже кровати нет? Я пострадал от взрыва! А лежу на каких-то досках, у меня все тело болит.

— Потерпите, пожалуйста. Много пострадавших, нам некуда размещать лю-

дей, — принялась кротко успокаивать медсестра. — Поселковый фельдшерский пункт не рассчитан на такое количество людей, врач не успевает всех осмотреть. Вечером, скорее всего, удастся организовать перевозку в районный центр, там условия будут лучше.

Гуров с усилием приподнялся на кровати, замер, проверяя ощущения. Комната качнулась, но тут же предметы встали на свои места и все очертания стали четкими.

— Как вас зовут?

Молодой мужчина смутился:

— Простите, растерялся и не представился. Андрей Егоркин, я следователь из районной прокуратуры. У нас такое впервые. Взрыв в пассажирском составе. Бывают, конечно, события... но обычные, бытовые. Я немного растерялся... не знаю даже, за что хвататься, — почти шепотом закончил мужчина, оглядываясь по сторонам, не слышит ли кто из пациентов поселкового фельдшерского пункта его испуганное признание.

— Гостиница здесь есть? Где вы остановились? И моя одежда, вещи, что-то из вагона забрали?

Гуров начал решительно подниматься с койки, медсестра из противоположного

угла недовольно наблюдала за его попыткой встать и сделать самостоятельные шаги. Он покачнулся, но удержался на ногах, даже получилось улыбнуться:

— Освобождаю кровать для нуждающихся. Только хотелось бы переговорить с врачом перед выпиской. Где его найти?

— По коридору налево, крайняя дверь. — Женщина вздохнула тяжело. — Но сейчас он может быть где угодно, еще не закончил осмотр. Вашу куртку я принесу из гардероба.

— Спасибо! — кивнул Гуров и, стараясь не обращать внимания на дурноту, шаткой походкой вышел из палаты.

Следователь Егоркин шел за ним.

— Товарищ полковник, давайте я отвезу вас. Тут гостиницы нет, но квартиру можно снять. Вернее, комнату в квартире. Я отвезу вас к себе, только заехал в съемное жилье. Вы мне расскажите, что произошло. Работы очень много, десятки свидетелей надо опросить. Но я решил, что вы как оперативник могли заметить что-то важное. И к тому же вы ехали в том вагоне, где произошел взрыв, почти в самом эпицентре.

Гуров, который осторожно обходил сидящих прямо на полу людей, повернулся к следователю и тихо попросил:

— Андрей, а давай я с тобой буду на «ты». Забери мою куртку, подожди в машине на улице, хорошо? Пять минут, и поговорим обо всем. У врача узнаю о своем лечении.

— Да, хорошо, — закивал мужчина и заторопился к медсестре, которая призывно махала, стоя у двери.

Лев Иванович заглянул за одну дверь — кабинет для приема, здесь тоже организовали палату и перевязочную для пострадавших; возле второй двери его перехватил сморщенный старичок с пигментными пятнами на лице. Седой, с желтыми прокуренными усами, он со строгим видом постучал кулаком по двери:

— Куда, ну? Там операционная стерильная, реанимация мобильная организована! Он грязный, в саже, туда лезет!

И тут же, подслеповато всмотревшись при тусклом свете старых ламп, доктор радостно улыбнулся, узнав Гурова:

— А, герой-спаситель! Уже с кровати вскочил? Ну что ж, удерживать не буду, но пока рекомендую постельный режим, препараты для очищения организма. Свежий воздух, обильное питье. Серьезных травм не нашел, вот плечо только у вас мне не понравилось.

Крепкие пальцы прошлись по впадине ключицы по той стороне, на которую Лев Иванович упал, держа Лену на руках.

— Кость не деформирована, может быть, трещина, но это только на рентгене увидим. В районный центр с общей партией запишитесь у медсестры на перевозку, глава районного центра пообещал машину и дать в помощь врачей. У нас — увы и ах — дефицит бюджета. Кроватей не допросишься, какие уж рентгеновские аппараты.

— Спасибо, я чувствую себя вполне сносно. Лучше скажите, как Лена? Девушка, что пострадала при взрыве, она была в самом центре.

— У нее крепкий молодой организм, ей повезло. Ссадины, кровоподтеки, гематомы значительные, но переломов или сильных ожогов нет. Сильнее всего она пострадала от вредных испарений при пожаре. Я собрал все необходимые препараты из соседних поселков, будем ставить ее на ноги. Через пару дней выведем из острого состояния и отправим долечиваться в районный центр. Прогнозы хорошие, вовремя вы ее вытащили, еще минут пять, и уже последствия отравления были бы необратимы.

— Спасибо, спасибо, доктор. Еще можно будет задать пару вопросов? Если, конечно,

у вас есть время. Много пострадавших, я слышал.

— Много, — вздохнул старичок и метнул испытующий взгляд на Гурова: — Вы ведь из полиции, верно? Из Москвы. Не удивляйтесь, у нас информация быстро передается, поселок уже в курсе. Может быть, хоть это происшествие заставит их расшевелиться. Ведь главная проблема в том, что у нас в фельдшерском пункте ничего нет. Лекарственных препаратов, персонала, приборов. Даже элементарных койко-мест. Вот что значит коррупция, все, что не приносит деньги, гниет и разрушается. — Перехватив удивленный взгляд оперативника, врач с горечью вздохнул. — Не обращайтесь внимания, ворчу по-стариковски. Хочется тоже спасителем быть, а не оправдываться, почему не могу оказать помощь пострадавшим.

— Сколько их?

— Девять человек с диагнозом отравление угарным газом, все пассажиры взорванного вагона, больше тридцати с мелкими порезами, травмами от отлетевшей обшивки. Ну и так, по мелочи, впечатлительные бабульки с подскочившим давлением. Пока цифры примерные, легкие больные ждут осмотра, только начинаю с ними работу.